

12+

Татьяна Рустамли
На третий взгляд, или
Написанному верить!

Татьяна Рустамли

**На третий взгляд, или
Написанному верить!**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Рустамли Т.

На третий взгляд, или Написанному верить! / Т. Рустамли —
«ЛитРес: Самиздат», 2013

Если женщина получила от жизни полный комплект самого необходимого (как то: семью, карьеру, достаток), но ей всё равно чего-то не хватает, пусть прочитает мою книгу. Она как раз о том, что женщине надо для того, чтобы жить стало захватывающе интересно. По совершенно непонятной причине в один совсем не прекрасный день в судьбу героини – весьма обыкновенной дамы средних лет – вмешивается некто невидимый и всемогущий, и происходит невероятное: обременённая обязанностями и погрязшая в заботах мать семейства, весьма успешно махнувшая на себя рукой, не сразу и не вдруг, но всё же самым чудесным образом превращается в Женщину, для которой волшебство становится единственно возможным образом жизни...

Есть только один способ сохранить рассудок, столкнувшись с Необъяснимым, – это признать своё безграничное Могущество и, отбросив здравый смысл, довериться собственному безумию. Но человека разумного так страшит Неизвестное, что он предпочитает жить в тесной клетке своего ума, слепо полагаясь либо на свою рассудочность, либо на своё безрассудство. Он покидает этот мир рассудительных умников и здравомыслящих глупцов, так и не узнав о своей величайшей Привилегии, предназначенной ему по праву рождения, – даре Прозрения.

На первый взгляд у меня просто образцовая семья: такие обычно показывают в роликах, рекламирующих какую-нибудь лапшу быстрого приготовления, или изображают в толстых глянцевых проспектах на фоне залитого солнцем пляжного домика у прибрежной полосы. На второй взгляд, кстати, тоже: вполне подойдёт для какой-нибудь воскресной утренней телепередачи в стиле «ретро». А вот на третий... Но кто, скажите на милость, будет бросать аж третий взгляд, чтобы составить своё мнение о чём угодно, в том числе и о моей семье? Всем с избытком хватает одного-единственного, пусть даже ошибочного. Хотите знать, как моё шестичленное семейство выглядит в не слишком придирчивых глазах окружающих: соседей, знакомых, сослуживцев? Извольте, я вам опишу.

Итак, с кого начнём? Ну конечно же с главы семьи, который по совместительству является моим мужем Игорёшей. Но это только для меня он Игорёша, а для всех прочих смертных – Игорь Вениаминович Ведерников, широко известный учёный в довольно узком кругу специалистов по многоножкам. Доктор наук, между прочим. Профессор. Добродушный, рассеянный толстяк с повадками эдакого тургеневского барина, положительный до невозможности. Прирождённый семьянин: верный муж и любящий отец. Такой скорее позволит себя заживо освежать, чем поставит под угрозу свою стерильную репутацию.

На нашем семейном портрете я расположу его справа, в высоком кожаном кресле с подлокотниками. Намечающаяся лысина, благообразная профессорская борода, очки в тонкой дорогой оправе, тугий воротничок, подпираемый галстуком, – словом, всё как положено солидному учёному, бескорыстно и самоотверженно служащему науке. Пожалуй, вручу ему для большего эффекта костяную трубку с серебряным мундштуком... Хотя, что это я? Ведь Игорёша вообще не курит. Я же говорю – жутко положительный тип. Лучше положу ему на колени увесистый фолиант с золотым тиснением. По-моему, это должно произвести впечатление на читающую публику.

Слева от него я поставлю его любимицу – нашу избалованную и самоуверенную дочуру Натю, или Натусю (кому как нравится), студентку иныза, ужасную воображаю с ангельским личиком и цепкими коготками маленькой хищницы, в которых она мёртвой хваткой держит своего благоверного, моего зятка Колюню (или Коко, как она его ласково величает, когда у неё случается приступ игривого настроения), весьма преуспевающего тренера по боевым танцам воинов древней Атлантиды. Его я помещу справа от Наты: пусть стоят рядышком, как два голубка на старинной табакерке.

Вообще-то Ната и Колюня – полные противоположности, дополняющие друг друга, как ванна и «джакузи» или как смокинг и «бабочка». Она – не в меру болтливая, заводная блондинка, он – рассудительный и немногословный брюнет с глазами ипохондрика, но вместе они смотрятся очень даже неплохо, особенно Ната, если не злится.

Думаю, с них довольно. Перейдём к следующему члену нашей семьи. Это мой ненаглядный сынуля Жэка (сокращённое от «Евгений», но так его сроду никто не называл): шутник по призванию, учащийся экологического лицея – по осознанной необходимости. Вполне самостоятельный лохматый и долговязый тинэйджер, слегка помешанный на роке самой тяжёлой весовой категории, что, надо отметить, временами сказывается на его успеваемости.

Его я поставлю слева от Наты и даже позволю ему её обнять. Хотя они и пикируются частенько, но уверена, что она не стала бы возражать: когда прошлым летом он с классом уехал в экспедицию на две недели, она по нему так скучала, что даже собиралась завести кота, хотя потом передумала. К тому же никто из остальных членов семьи её не поддержал, посчитав это очередной блажью. Но это так, к слову.

В самом центре нашей фото-композиции я посажу мою маму Виолетту Евгеньевну. Она преподаватель зарубежной литературы в педагогическом институте, а в свободное время – председатель городского клуба поклонников мистической литературы. Главная отличительная особенность – обо всём на свете имеет свою выношенную и выстраданную точку зрения, от которой не откажется даже под пытками. В упрямстве с ней может соперничать только её внучка Ната, да и то без единого шанса на успех. Виолетта Евгеньевна – очень современная моложавая бабушка с модной стрижкой и крутым смартфоном, правда слушает на нём исключительно классическую музыку.

Вот я и подобралась к себе любимой. Разрешите представиться: Августа Яковлевна Ведерникова. Хотела бы написать – старший научный сотрудник словарного сектора Института языкознания, но уже не могу: наш отдел сократили – и со вчерашнего дня я безработная домохозяйка с учёной степенью кандидата филологических наук. Не удивляйтесь – и такое случается.

Младшее поколение моей семьи восприняло эту новость как-то слишком уж сдержанно, хотя и с некоторым сочувствием, а старшее... Мама, поджав губы, категорично заявила, что если бы я не ограничила себя женским минимумом, а защитила бы вовремя докторскую диссертацию, то никто не посмел бы меня и пальцем тронуть. А Игорёша глубокомысленно заметил, что лучше быть полноценной домохозяйкой, чем неполноценной учёной дамой.

Ещё он добавил, что наука от моего увольнения несколько не пострадает, зато наша семья многое приобретёт, особенно если на кухне я буду проводить хотя бы половину того времени, которое проводила на работе, тем более что моя зарплата не окупала даже мои транспортные расходы. Это было уже слишком, и я, конечно, проявила бурное возмущение, приготовившись к длительному словесному поединку, но Игорёша немедленно покинул ринг, прибегнув к своей излюбленной тактике, – замолчал, зарывшись очками в какую-то статью в американском научном журнале. Мне оставалось только признать себя победительницей и молча удалиться, проглотив своё невысказанное негодование, или продолжать сотрясать воздух до полного изнеможения и без всякой надежды быть услышанной. Мудрая женщина, не раздумывая ни секунды, выбрала бы первое.

Однако я... отвлеклась от темы и едва не испортила всю картину. Стоп. Забудем всё, что я сказала о себе, и вернёмся к нашему портрету образцово-показательной семьи. Завершая его, я усажу слева от моего драгоценного муженька свою самую лучшую копию, только что побывавшую в модном дамском салоне в умелых руках опытного мастера-визажиста. Чем бы её украсить, кроме сногшибательной причёски, серёг из капельного серебра, учёной степени и букета почётных званий матери, тёщи, жены и дочери? Можно было бы, к примеру, добавить парочку добродетелей или заслуг перед обществом, но лучше не рисковать и оставить всё как есть, чтобы не испортить этим объективной картины, нарисованной неподвзятым взглядом стороннего наблюдателя.

Ну что ж, теперь, когда портрет завершён, вставлен в тяжёлую позолоченную раму и повешен для всеобщего обозрения на самом видном месте в нашей гостиной, можно воочию понаблюдать за теми, кто на нём изображён. Добро пожаловать в нашу квартиру! В ней ни много ни мало шесть комнат. Чтобы её приобрести, нам с мамой и Игорёшей пришлось продать свою трёхкомнатную квартиру, а Нате с Колюней – их двухкомнатную, доставшуюся ему в наследство от бабушки. Потом ещё немного наскребли, добавили вкладчину, напряг-

лись, подсутились и в результате совместных усилий поселились все вместе в девятиэтажном экспериментальном доме с улучшенной планировкой.

Сегодня я, как обычно, проснулась в семь утра. Осторожно сползла с кровати, чтобы не разбудить Игорёшу (он встаёт на полчаса позже), и, натянув халат, направилась в ванную. Собралась открыть кран с горячей водой и... вдруг вспомнила, что спешить мне, собственно говоря, некуда и можно ещё чуток поваляться в постели, но всё-таки решила не возвращаться в спальню, а, тяжело вздохнув, поплелась на кухню, чтобы поставить чайник. Зарядку делать расхотелось и я, бесцельно послонявшись по квартире, залезла с ногами в кресло и просидела там пригорюнившись до тех пор, пока вокруг меня не начали снова проснувшиеся домочадцы.

Всё было как всегда: Колюня усиленно «разогревался» на нашем домашнем «стадионе», под который отвели одну из комнат. Игорёша, одержимый манией чистоты, прочно оккупировал ванную, а Ната, старательно «наращивая» ресницы перед зеркалом в прихожей, время от времени делала безуспешные попытки его оттуда выдворить, колотя по двери щёткой для волос. Мама под Лунную сонату готовила себе морковный сок, попутно «воспитывая» Жэку, а тот с вставленными в уши наушниками бегал как угорелый по комнатам в поисках разбросанных им повсюду учебников и тетрадей. Каждый участник спектакля был увлечён своей игрой, а меня словно лишили привычной роли, и мне ничего другого не оставалось, как безмолвно наблюдать за происходящим на сцене из-за кулис, ни во что не вмешиваясь.

Так и просидела я всё утро в кресле, на самом видном месте в квартире, упорно не замечаемая никем из домашних. Всем было не до меня. Мне не предназначалось ни единой реплики.

И только Игорёша, который уходил последним, прежде чем закрыть за собой дверь, бросил мне на прощанье:

— Гуля, не забудь запереться изнутри, а то мало ли что!

И вот осталась я одна-одинёшенька в обезлюдившей квартире и принялась изо всех сил жалеть себя. Жалела до тех пор, пока не разревелась. А наревевшись всласть, стала сама себя утешать:

— И что ты вдруг вздумала плакать, баба неразумная? Чем ты, собственно, недовольна? Ну чего тебе не хватает? Все живы-здоровы, никого не ограбили, не обворовали, имущество твоё в целостности и сохранности, репутация тоже, долгов нет, внешность не пострадала, мужа у тебя не увели, детей не сглазили и не похитили, соседи – не вредные и не скандальные, забот тебе не прибавилось, а, скорее, даже наоборот – заметно поубавилось. Все тебя любят, хоть и эксплуатируют: мама у тебя – душевная, хоть и придира неуступчивая, муж – заботливый, хоть и зануда, сын – чуткий и послушный, хоть и бестолковый, дочка – умница, хоть и эгоистка строптивая, зять – покладистый и непьющий, хоть и чудак. Радоваться надо! Все о тебе забыли? Так ты напомни! Стань нужной, необходимой, незаменимой! Разучилась? Научись заново! Ну-ка, засучи рукава и за дело!

Вдохновлённая собственной тирадой, я до самого вечера вкалывала как одержимая: добросовестно драила, чистила, пылесосила, усердно тёрла, вытирала, оттирала, натирала, а также воодушевлённо варила, жарила, пекла... Одним словом, изошрялась, как могла, только бы всем угодить. Так хотелось, чтоб оценили и похвалили за усердие и изобретательность! Всё-таки в каждом из нас незримо обитает наивный и доверчивый карапуз, жаждущий проявить себя и отчаянно нуждающийся в одобрении, поощрении и понимании.

Первым домой вернулся Жэка. Бросил свой рюкзак у самого порога и, не выдернув наушников из ушей (по-моему, он даже спит с ними), помчался к себе в комнату переодеваться.

— Мамуль! Где мои тусовочные траузеры? Ну те, что с прорехой на штанине? А ремень с фирменной пряжкой? – возбуждённо кричал он, выбрасывая из шкафа всё подряд, пока в его комнате не воцарился привычный беспорядок в стиле «вещевой хаос».

Увидев моё перекошенное лицо, он скорчил жалкую мину:

— Только не ругайся: я сам уберу! – И тут же принялся запихивать всё обратно.

Я бессильно махнула рукой:

— Лучше не надо, а то будет ещё хуже. Предоставь это мне: каждый должен делать то, что он умеет.

Жэка тяжело вздохнул, уверенно входя в роль жертвы.

— Я, конечно, высоко ценю твои попытки навести порядок в моём шкафу и всё такое прочее, – пробурчал он, осторожно подбирая слова, чтобы меня не обидеть, – но ведь это твой, чуждый мне порядок. Мне в нём некомфортно, понимаешь? Ничего найти не могу. Признайся, ты же не станешь такое проделывать на папином письменном столе с его книгами и бумагами? – Он хитро взглянул на меня исподлобья.

— Не стану, – согласно кивнула я, – потому что в этом нет необходимости: на его письменном столе всегда царит идеальный порядок.

— Всегда-всегда? – ещё хитрее прищурился Жэка.

— Ну... иногда там случается деловой беспорядок, – вынуждена была признаться я, сделав упор на слове «деловой».

— У него – иногда, а у меня – всегда, у него – деловой, а у меня – бытовой, – с самым невинным видом подытожил Жэка. – Это мой стиль жизни, в нём я черпаю вдохновение. И вообще, моя стихия – джаз–рок, а не классика. Имею я на это право?

С прискорбием признав свою полную неосведомлённость в сфере правовых вопросов, я предпочла не вступать в дискуссию и предложила своему образованному сынуле пойти на компромисс:

— Понимаю: хаос – это проявление твоей индивидуальности, на которое ты имеешь законное право, но до тех пор, пока он не выходит за пределы твоего шкафа или, по крайней мере, твоей комнаты.

В награду за понимание Жэка чмокнул меня в щёку и, напялив свои драные джинсы и прихватив с собой сумку с дисками, пританцовывающей походкой направился к двери.

— Ты даже не пообедаешь? – запоздало ужаснулась я.

— Мы с ребятами в столовке перекусили, – убедительно соврал он, натягивая кроссовки, и заметив мой расстроенный вид, прибавил: – Обещаю к ужину быть голодным как волк и слопать двойную... нет, тройную порцию твоей стряпни.

Вот так всегда – устоять перед обаянием Жэки просто невозможно. И он этим пользуется самым беззастенчивым образом.

Через полчаса позвонила Ната и бодрой скороговоркой сообщила, что они с Колюней едут к его другу Стёпе на дачу и вернутся не раньше двенадцати. Это в лучшем случае, в худшем – останутся там до утра. Мне ничего другого не оставалось, как только выразить ей свою признательность за то, что она не забыла предупредить меня об этом.

Ещё через час заявила мама и с порога тоном, не терпящим возражений, предупредила, что у неё заседание клуба и она успеет только причесаться и поменять свой деловой костюм на выходное платье.

— Намечается чаепитие с домашними пирогами, поэтому обедать я не буду, – на ходу добавила она, направляясь в свою комнату.

Уходя, мама вскользь поинтересовалась, почему я меняла занавески, и, не дослушав моих объяснений, помахала мне на прощанье рукой:

— Ужинать тоже не буду: меня Регина пригласила на судака. (Регина Наумовна – мамина подруга, с которой она работает на одной кафедре).

Теперь вся надежда оставалась только на Игорёшу. И я решила не терять времени даром: наскоро уложила феном волосы, подвела глаза, выровняла тональным кремом щёки, припудрила нос, прошла помадой по губам и благополучно вошла в новый брючный костюм.

Мои розовые мечты о романтическом ужине при свечах были грубо прерваны телефонным звонком.

— К ужину не жди, вернусь поздно: Миша перед отъездом устраивает «отвальную» в ресторане (Миша – это Игорёшин коллега, который через два дня отбывает в бессрочную командировку в Африку), – как безжалостный приговор судьбы, бесстрастно и категорично прозвучало в трубке.

С судьбой лучше не спорить, как, впрочем, и с Игорёшей – бесполезно: всё равно останешься в дураках.

И для кого я, спрашивается, старалась? Неужели придётся весь вечер просидеть одной наедине с «голубым экраном»? Нет уж: такая перспектива меня не устраивала, тем более что, в отличие от Игорёши, я не страдаю «кнопочной лихорадкой». Это он может прирасти задом к креслу на весь выходной и, не выпуская пульта из рук, переключаться с одного канала на другой, не останавливаясь ни на минуту.

Звонить Настасье мне тоже «не улыбалось»: опять начнёт «жевать» про своего бесценного Петеньку (любой разговор она сводит к этой единственно волнующей её теме). Настасья – это моя подруга, а Петенька – её последний муж, которого она ревнует практически к каждой особе женского пола в возрасте от пятнадцати до восьмидесяти пяти. Она убеждена, что устоять перед его мужским магнетизмом не в состоянии даже праведница, давшая обет celibата. Я пробовала её в этом разубедить, но безрезультатно. Если женщина в упор не хочет видеть, что её мужик – просто плюгавый маменькин сынок, на которого можно «клюнуть» только из человеколюбия или любопытства, и свято верит в то, что он непревзойдённый гурман-сердцеяд и могучий сексуальный атлет в одном теле, то, поверьте моему опыту: это совершенно безнадежный случай умственного расстройства и словесная терапия тут бессильна.

Ну вот, стоило мне вспомнить о Настасье, как тотчас зазвонил телефон, и на табло высветился её номер.

Потратить битых два часа (не меньше!) на её семейные откровения – дудки! Играть роль понимающей и сочувствующей подруги, когда у самой на душе кошки скребут, да ещё коты подвывают, – это выше моих сил. Я схватила сумочку, швырнула в неё свой мобильник и фурией на помеле вылетела из квартиры, назло Игорёше заперев дверь на все замки. Пусть попробует четырежды попасть ключом в замочную скважину после весёлого застолья!

Пролетев на полной скорости два квартала, я в растерянности остановилась. Куда податься не склонной к авантюрам одинокой женщине моего возраста, когда рабочий день закончен и все нормальные люди спешат домой, к семейному очагу? Последние несколько лет единственным моим «развлечением» в такое время были исключительно продовольственные магазины и супермаркеты.

Может, в кафе посидеть? И тут я представила, как захожу одна в кафе и торчу там, как Шарапов, с чашечкой кофе весь вечер. Можно, конечно, и коньяк, и пирожные заказать. Но зачем тратить на дурацкие пирожные, если у меня самой еды наготовлено на целую ораву? К тому же сладкое я не люблю. И потом, я не из тех женщин, которые могут отважиться пить коньяк, сидя в гордом одиночестве в общественном месте. А если мужик подсядет и начнёт приставать? Долго и нудно доказывать ему, что я пришла сюда вовсе не за этим? Тогда зачем?

Нет, в кафе определённо нужно ходить компанией или ещё лучше – в сопровождении кавалера, на худой конец – с подругой. Кстати, а может быть, кого-нибудь из подруг навестить? Но у всех моих подруг – мужья и дети, им не до меня... Стоп. У Соньки никого нет. И она меня давно к себе в гости зазывает. Теперь самый подходящий случай этим воспользоваться.

Я вытащила из сумки мобильник и нашла в телефонной книжке Сонькин номер. Мне даже не пришлось спрашивать на приглашение – едва я успела что-то промямлить, как Сонька сразу перехватила инициативу:

— А! Это ты, Корнеева! (Корнеева – это моя девичья фамилия.) Наконец-то отыскалась! Как жизнь, подружка?

— Бьёт ключом, да всё по голове, – отделилась я привычной шуткой моей студенческой юности.

— Ну тогда спешно подъезжай ко мне, – обрадовалась Сонька. – Будем щедро делиться впечатлениями.

От её убийственного оптимизма мне стало не по себе.

— У тебя какой подъезд? – на всякий случай поинтересовалась я, уже пожалев о том, что мой выбор пал на неё.

— С любого конца – третий, – ещё радостнее отозвалась Сонька. – И этаж тоже третий, если ты забыла.

— Не забыла, Серостанова. Скоро буду.

Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что стою рядом с автобусной остановкой. Пока я пыталась сообразить, как мне добраться до Сонькиного дома, ко мне почти вплотную подошёл сухонький интеллигентный старичок в толстенных линзах и опрятной светло-коричневой береточке, здорово смахивающий на мультяшного кузнечика. В руках он держал маленькую авоську с батоном и складной зонтик.

— До улицы Савушкина одиннадцатый автобус идёт, – с возмутительной доверительностью сообщил он мне почти в самое ухо.

— Спасибо, не стоило беспокоиться, – растерянно отшатнувшись, невпопад брякнула я.

— А вот и он! – повернувшись, старичок ткнул зонтиком в сторону приближающегося автобуса.

В салоне было полно свободных мест. Я села справа возле окна и прикрыла глаза.

«Интересно, как он догадался, что мне нужно именно на эту улицу?» – неожиданно промелькнуло у меня голове.

Может, он телепат? Бред какой-то... Вечно я, как магнит, притягиваю всяких странных типов. Надо срочно перенастроиться на другую волну. И вообще, хватит кукситься. Я теперь свободная и независимая женщина, сбросившая со своих натруженных плеч тяжёлый груз житейских забот: больше нет необходимости просыпаться в семь утра, не нужно с девяти до шести торчать на работе, дома тоже незачем проявлять чрезмерное усердие – все члены моей семьи – взрослые, самостоятельные люди и в состоянии сами о себе позаботиться. Пришло время заняться исключительно собой и получать от этого максимум удовольствия. Правда, я напрочь забыла, как это делается. Что ж, придётся вспомнить.

Автобус тряхнуло так, что я открыла глаза и взглянула в окно. Ну вот, кажется, проехала свою остановку. Что это за сквер с фонтаном? И откуда взялись все эти дома? Куда, вообще, меня занесло? Заснула я, что ли? Вот неисправимая растяпа! Таких ещё поискать!.. Стоп. Ну чего, собственно, я всполошилась? Подумаешь, проблема: проехала пару лишних остановок. Не в тайге же – не заблужусь. К тому же отличный повод для вечернего променада.

Я вышла на ближайшей остановке и, не раздумывая, двинулась в обратную сторону. Решила – пройду пешком: далеко я не могла уехать. Через пятнадцать минут ходьбы скорым шагом моей уверенности заметно поубавилось. Эта часть города была мне совершенно незнакома, я никогда здесь раньше не бывала. Всё этот противный старикашка: задурил мне голову со своим одиннадцатым автобусом. Нужно к кому-нибудь из прохожих обратиться. Например, вот к этой милостивой девушке с улыбочивым лицом и в клетчатых брючках, как у Натуси.

Словно прочитав мои мысли, девушка сама направилась ко мне.

Я не замедлила этим воспользоваться:

— Скажите, пожалуйста, как пройти на улицу Савушкина? Там ещё большой овощной магазин располагается...

— Ну зачем вам овощной магазин? – перебила меня девушка, активно демонстрируя ямочки на щеках. – Лучше наведайтесь в салон женской красоты: для вас это более актуально.

— Вы считаете, что я настолько ужасно выгляжу? – растерянно пробормотала я, опешив от её непрошеного совета.

— А вы давно на себя в зеркало смотрели?

— Сегодня днём. А что?

— И остались довольны своим отражением?

— Я уже лет эдак... десять им недовольна, но другого у меня пока нет, – чистосердечно призналась я.

— А стоило бы завести! – нахально заявила моя собеседница, критически оглядев меня с макушки до пяток.

— Вы это серьёзно? – окончательно растерялась я.

— Посетите вышеупомянутый салон – и сами в этом убедитесь.

— А где он находится? – робко поинтересовалась я.

— Здесь неподалёку. Если желаете, я вас провожу. Я как раз только что оттуда. Разве по мне не видно? – Она отступила на шаг и, лихо тряхнув чёлкой, приняла позу опытной фотомодели, позирующей перед камерой.

Наверное, это произвело на меня впечатление или мне всё-таки не очень хотелось встречаться с Сонькой, а тем более возвращаться домой, потому что я сходу согласилась.

Мы прошли вдоль длинного здания с колоннами, свернули за угол и, миновав арку, нырнули в полутёмный подъезд. Девушка позвонила в резную деревянную дверь и, одарив меня на прощанье загадочной многообещающей улыбкой, выскользнула наружу.

Неожиданно вспыхнул ослепительно яркий свет, и я оказалась в просторном холле.

Надо мной возвышалась белозубая девица гренадёрского роста в «клёшах» и белой «разлетайке». Могу поклясться, что входная дверь не открывалась, и я не двинулась с места.

«Может, это какой-то трюк со светом», – ошарашенно подумала я, озираясь по сторонам, но двери нигде не было. За моей спиной стояла кадка с пальмой, а рядом, на прозрачной столешнице – огромная клетка с попугаем. Попугай чинно восседал на жёрдочке, прикрыв один глаз и меланхолично косясь на меня другим.

— Ар-р-ркаша р-р-разочарован, – вдруг печально провозгласил он, склонив голову набок. – Магистр-р-ру пр-р-ридётся здор-р-рово потр-р-рудиться...

— Не обращайтесь на него внимания: вначале он всегда так говорит, – ободряюще заявила девица, махнув на попугая рукой. – Он просто убеждённый скептик и неисправимый пессимист.

— Ар-р-ркаша – альтр-р-руист!!! – возмущённо гаркнул попугай и, обиженно нахохлившись, отвернулся.

— Извини, Аркаша, я вовсе не хотела тебя обидеть, – примирительным тоном сказала девица и, обратившись ко мне, добавила: – Он чрезвычайно чувствителен и легкоранним. Однажды так разобиделся, что замолчал на целый месяц. Еле разговорили.

— Ар-р-ркаша нер-р-разговорчив, – самодовольно подтвердил попугай, щёлкнув клювом и утвердительно качнув головой.

— Сколько слов он знает? – поинтересовалась я из вежливости, чтобы как-то поддержать разговор.

Лучше бы мне было промолчать и остаться невежей в глазах девицы, потому что тут такое началось! Услышав мой невинный вопрос, Аркаша так всполошился, словно я предложила свернуть ему шею, незамедлительно ошипать и приготовить из его тушки жаркое: он театрально закатил глаза и, соскочив с жёрдочки, возбуждённо заметался по клетке, как потревоженная наседка.

— Кар-р-раул!!! Ар-р-ркашу оскор-р-рбили! – горестно вопил он, с шумом ударяясь о железные прутья. – Пр-р-ротестую! Ар-р-ркаша не при-р-римитив! Не заур-р-рядное пер-р-рнатое упр-р-рощённой констр-р-рукции!

Девушка попыталась его успокоить, бормоча что-то о моей невольной оплошности и взывая к его(!) великодушию и благоразумию, но какое там! Распалаясь всё больше, попугай отчаянно захлопал крыльями и, подпрыгнув на коротеньких ножках, разразился новой гневной тирадой:

— Позор-р-р!!! Тр-р-ребую спр-р-раведливости!! Пр-р-ригласите магистр-р-ра!

Онемев от очевидной абсурдности происходящего, я испуганно тарасилась на эту ошалевшую парочку, как на опасных буйно помешанных, нуждающихся в срочной и безотлагательной госпитализации. Только отсутствие двери не позволило мне сбежать из этой палаты номер шесть.

— Аркаша, успокойся: такое поведение не делает тебе чести, – неожиданно раздался за моей спиной мягкий мужской баритон. – Ты напугал нашу гостью, и у неё может сложиться о тебе неверное представление.

Обернувшись, я увидела перед собой невысокого франтовато одетого субъекта с аккуратно постриженными усиками, длинными бакенбардами и тщательно уложенными блестящими иссиня-чёрными волосами. У него было невероятно располагающее к себе лицо и любезная, слегка извиняющаяся улыбка. Всем своим внешним видом, в особенности манерами и осанкой, он напоминал типичного циркового конферансье.

После появления невысокого субъекта Аркаша мгновенно присмирел и вновь взобрался на жёрдочку.

— Ар-р-ркаша невер-р-роятно эр-р-рудир-р-рован, кр-р-райне мир-р-ролюбив и беспр-р-редельно добр-р-р, – тихо и торжественно провозгласил он, опустив клюв и потряхивая хохолком. – Магистр-р-р подтвер-р-рдит.

— Совершенно справедливо, но предоставим нашей гостье возможность самой в этом убедиться. Впрочем, она уже успела сделать для себя кое-какие выводы, – невозмутимо подытожил субъект, попутно подмигнув мне левым глазом. – Теперь, когда инцидент исчерпан, ты позволишь мне побеседовать с ней?

— Ар-р-р-ркаша не пр-р-ротив, – распушив перья, важно ответил попугай. – Пр-р-рошу!

«Свои выводы относительно вашего капризного и самовлюблённого Аркаши, страдающего манией величия, мне предпочтительнее не озвучивать, – фыркнула я про себя, покосившись на раздувшегося от важности попугая. – В противном случае он замолчит не на месяц, а на всю оставшуюся жизнь».

Словно подслушав мои мысли, субъект удивлённо поднял брови и, поправив «бабочку», повернулся всем корпусом ко мне:

— Позвольте представиться: магистр женской красоты и очарования Аристарх Аскольдович Безымянный. А это моя ассистентка Аглая.

— Можно просто Глаша, – поспешно вставила девушка.

— Можете не называть своё имя, – опередил меня Аристарх Аскольдович. – Оно мало что значит, особенно здесь. Забудьте на время о том, что вы Августа Яковлевна Ведерникова. За этим именем закреплено ваше отношение к самой себе, от которого вам предстоит избавиться.

Я почему-то нисколько не удивилась его осведомлённости: как выяснилось, в наше время телепатия – не такое уж редкое явление.

— Вы собираетесь изменить мой имидж?

— Я собираюсь помочь вам создать ваш истинный образ, – с лёгким поклоном ответил Аристарх Аскольдович, – но считаю своим долгом предупредить вас, что для вашего полного преобразования одного сеанса будет недостаточно.

У меня сразу вытянулось лицо, и я с сомнением покачала головой:

— Едва ли я смогу найти время...

— Как вам будет угодно, – перебил меня Аристарх Аскольдович, обворожительно улыбувшись. – Хотя, по имеющимся у меня сведениям, с недавних пор времени у вас предоста-

точно. Впрочем, если вы не будете готовы, вы к нам всё равно не попадёте, даже при самом страстном желании.

— У вас приём по предварительной записи?

— Не в этом дело, – покачал он головой. – К чему забегать вперёд? Потом вы сами всё поймёте. А пока... Не желаете ли взглянуть на себя в одно из наших магических зеркал?

— Вы действительно думаете, что я увижу в нём что-то такое, чего не разглядела в своём собственном зеркале всего пару часов назад? – недовольно поморщилась я.

— Я предпочитаю не строить догадок, – уклончиво ответил магистр. – Предлагаю перейти прямо к делу. Ну-ка, Аглая, покажите нам Зеркало Истины.

Неожиданно свет в комнате погас, и стало абсолютно темно, как в ночь в кладовке.

— Советую вам закрыть глаза, – услышала я голос ассистентки.

— Зачем? – буркнула я, старательно вглядываясь в темноту.

— Чтобы сосредоточиться на главном и не отвлекаться на второстепенное, – откуда-то издали донёсся голос магистра.

— А что в данном случае следует считать главным?

— Ваши чувства.

— Их так много...

— Выберите одно.

Пока я выбирала между любопытством и нетерпением, в комнате стало светлее.

— Это предельная яркость, – огорчённо сообщила Глаша.

— Бывало и похуже, – невозмутимо отозвался магистр.

— А почему нельзя сделать свет поярче? – плаксиво вмешалась я.

— Это вопрос не к нам, – неожиданно жёстко отрезал магистр. – Попробуйте прибавить яркость, если у вас получится.

— При чём тут я? Включите общий свет.

— Вы так и не поняли, что здесь отсутствует внешний источник света? – опешил магистр.

Внимательно оглядевшись по сторонам, я пришла к поразительному открытию – свет излучали... мои собственные глаза: они работали как два тусклых фонарика, в которых сели батарейки. Я зажмурилась, потёрла их, потрясла головой и даже на всякий случай незаметно подёрнула себя за нос, но все мои импровизированные манипуляции не произвели ни малейшего эффекта.

— А почему раньше было светло? – разозлилась я.

— Мы использовали наши общие световые резервы, а теперь вынуждены обходиться только вашими.

— Почему? – тупо спросила я.

— Как иначе вы сможете увидеть своё отражение?

— А... Понятно, – пробормотала я, хотя всё стало ещё непонятнее. – Ну и где это ваше магическое зеркало?

— Да перед вами же, – недоумённо сообщила Глаша.

Я посмотрела прямо перед собой и упёрлась взглядом в какое-то прозрачное колеблющееся облачко, похожее на марево. Чем дальше я вглядывалась в его расплывчатые бесформенные очертания, тем заметнее и плотнее оно становилось, обретая всё более чёткие границы, пока не превратилось в правильный овал, напоминающий расплавленное стекло, заключённое в невидимую капсулу. Я осторожно вытянула руку, но её тут же резко, как от удара взрывной волной, отбросило назад.

— Но я в нём ничего не вижу, – невольно вырвалось у меня.

— Тр-р-ребуется пр-р-риличная пр-р-рактика. Пр-р-ридётся постар-р-ратся, – тут же ехидно выдал Аркаша.

— Не забывайте: это зеркало отражает не внешний облик, а вашу внутреннюю сущность, – пояснил магистр.

— Зр-р-ри в кор-р-рень! – философски изрёк попугай.

— А может, пусть заглянет сначала в Зеркало Правоты? – предложила Глаша.

— Резонно, – согласился магистр. – Обернитесь.

Развернувшись, я увидела на уровне моего лица обыкновенное прямоугольное зеркало в узорчатой металлической раме, висящее, казалось, прямо в воздухе. Я стояла перед ним, в полуметре от его поверхности, но меня в нём не было. Мне стало не по себе.

— Ой!?! – протестуяще пискнула я. – Оно меня не отражает!

— Зеркало Правоты для этого и не предназначено, – раздался насмешливый голос магистра. – Попробуйте сосредоточиться на ком-то другом.

Первым «другим», который всплыл у меня в голове, оказался Игорёша.

— Чр-р-резвычайно опр-р-рометчивый выбор-р-р! – мрачно констатировал Аркаша.

«Третий телепат за день – это уже слишком, – поморщилась я. – К тому же попугай! И почему, собственно, я должна терпеть его бесцеремонные выпады? Ему, значит, можно высказываться, а мне нельзя?!»

— Аркаша, не забывайся! Твоего мнения никто не спрашивал! – строго одёрнул попугая магистр в ответ на мои мысленные протесты.

— Пр-р-рошу пр-р-рошения, – тотчас присмирел тот. – Ар-р-ркаша погор-р-рячился.

«Так тебе и надо, – злорадно хихикнула я. – Подумаешь, хохлатый оракул выискался! Сиди себе на жёрдочке и помалкивай».

— Не отвлекайтесь! – одёрнул магистр на этот раз меня.

Я послушно сконцентрировалась на Игорёше.

По зеркалу пробежала едва заметная рябь, постепенно превратившаяся в изображение, совсем как на мониторе. Передо мной, несомненно, был ресторанный зал. Компания за накрытым столом... Веселье, очевидно, в самом разгаре. Знакомые лица... Ба-а! Да это же Игорёшина лаборатория в полном составе! Раскрасневшийся везунчик Миша, виновник торжества, во главе стола, воодушевлённо шевелит губами... Степенный Степан Никодимыч, завлаб, что-то сосредоточенно жуёт... Дородная и флегматичная Анна Васильевна, которую уже лет десять никак не могут спровадить на пенсию, тянется за апельсином через весь стол, угрожающе нависнув массивным бюстом над блюдами и тарелками с едой... Осторожный и вечно озабоченный Антон Иваныч, новоиспеченный доктор наук, уныло тычет вилкой в салат... Неисправимый выдумщик и проказник Леонид Владимирович, или попросту Лёнчик, Игорёшин одноклассник и друг семьи, сидит пригорюнившись, изредка бросая в сторону Миши тоскливые взгляды... Смешливая Аллочка, новая лаборантка, только вспорхнувшая со студенческой скамьи, но уже успевшая дважды выпорхнуть замуж, отплясывает так, что бусы на её кофточке подпрыгивают, как блошинный хоровод... Угловатый и стеснительный Юра, Игорёшин аспирант, неумело топчется на месте, то и дело поправляя сползающие на нос очки... Стоп. А это кто? Так и есть – мой разлюбезный муженёк танцует в обнимку с какой-то особой неопределённого возраста, выкрашенной в цвет раздавленной мокрицы. Губы как у верблюда – явно накачала гелем, брови, сразу видно, нарисованные. А штукатурки на щеках... – ну просто полный боевой раскрас перед охотой на мужика! Меня даже затрясло от возмущения. Повисла на чужом муже, как на своей собственности! Игорёша тоже хорош: не упускает случая почувствовать себя мужчиной! Посмотрите только, как он спокойно, по-хозяйски положил руки на эту разряженную цаплю!

Мои размышления были прерваны магистром:

— Почему-то чужие слабости и упущения занимают вас гораздо больше, чем собственные преимущества и возможности. А ведь вам выпал редкий шанс извлечь урок из увиденного.

— Уже извлекла, даже два – сварливо огрызнулась я, – ни при каких обстоятельствах нельзя отпускать мужа одного в ресторан – урок первый, держать его всегда в поле зрения, как чемодан на вокзале, ни на минуту не спуская с него глаз – урок второй.

— Намер-р-тво пр-р-риковать, пр-р-рик-р-репить, пр-р-ривязать, пр-р-рибить, пр-р-рипать, пр-р-риморозить, – деловито уточнил Аркаша.

— Вот именно! – впервые я была с ним полностью солидарна. – Будь моя воля...

— Тогда ей нужно Зеркало Желаний, – не дослушав меня, услужливо подсказала Глаша.

— Оно за вашей спиной, – предупредил магистр.

Повернувшись на сто восемьдесят градусов, я обнаружила перед собой круглое зеркало в потрескавшейся от времени простой деревянной раме. Я уже, кажется, потихоньку начала привыкать к тому, что здешние зеркала меня не отражают.

— И что теперь?

— Теперь сосредоточьтесь на своём желании, – терпеливо объяснил магистр, никак не реагируя на раздражение, прозвучавшее в моём голосе.

Я живо представила себе, как у «цапли» сначала с хрустом ломается каблук, потом она наклоняется, чтобы снять туфлю – и у неё с треском ломается «молния» на юбке; она не успевает отреагировать, и юбка соскальзывает с бёдер прямо на пол. Я хотела придумать что-нибудь ещё, но на этом моя фантазия иссякла.

— Пр-р-ревосходное вообр-р-ражение! Кр-р-расочная кар-р-ртина! Здор-р-рово пр-р-ридуманно! Одобр-р-ряю! – восторженно прокричал Аркаша.

«А он не такой уж гадкий», – миролюбиво подумала я. После ролика под названием «Мсть обманутой жены, или Расплата за коварство», который я во всех деталях дважды прокрутила в своей голове, на душе у меня значительно полегчало.

— М...да... Действительно, с Зеркалом Желаний у вас не возникло никаких проблем: сразу всё великолепно получилось, – не то с иронией, не то с восхищением заметил магистр. – А теперь полюбуйтесь на результат.

Зеркало, висящее передо мной, начало в мельчайших подробностях воспроизводить всю ту сцену, которая минуту назад была всего лишь скороспелым плодом моей разбушевавшейся фантазии.

Когда «цапля», подхватив юбку, опрорхнула выскочила из зала, я, захлопав в ладоши, расхохоталась, как нашкодившая школьница.

— Бр-р-раво! – истошно завопил Аркаша, изобразив крыльями бурную овацию. – Ур-р-ра!!! Ср-р-работало!!!

Только теперь до меня наконец-то дошёл смысл слов магистра (даже попугай оказался сообразительнее). Во рту сразу же пересохло, а уши стали гореть, как у провинившейся малолетки.

С трудом проглотив застрявший в горле комок, я свистящим шёпотом выдавила:

— Это что же... оно... показало то, что произошло... в действительности?

— Не просто показало – оно воплотило ваше желание в реальность, – спокойно пояснил магистр. – Разве вы не этого хотели?

— Этого... – озадаченно пробормотала я. – Но я не ожидала...

— Что оно так быстро исполнится? – усмехнулся магистр.

— Что оно вообще исполнится, – удручённо призналась я.

— Тогда зачем вы понапрасну тратили свою жизненную энергию? – искренне удивилась Глаша.

Да какая там энергия! – с досадой отмахнулась я. – Потешила немного свою злость на эту тётку – вот и всё.

— Но энергия, тем не менее, всё-таки была израсходована, даже если вы этого не заметили, – упрямо констатировала негибкая Глаша.

— Если бы ваше желание не обладало достаточной силой, зеркало не осуществило бы его, – невозмутимо заметил магистр. – Оно, хоть и магическое, но само по себе не действует: это вы зарядили его своими эмоциями. Вы!

— Если бы я знала...

— То что бы тогда? – с любопытством спросил он.

— Какая теперь разница? – недовольно поморщилась я. – Сделанного не исправишь.

— Так значит, результат вас вовсе не обрадовал? – уточнила дотошная ассистентка.

— Вообще-то нет, – вспомнив своё недавнее ликование, со вздохом призналась я. – Сейчас я уже не уверена, что мне на самом деле этого хотелось.

— Именно неуверенность, приправленная чувством вины, и препятствует исполнению наших самых заветных желаний, – с сожалением резюмировал магистр. – Но это так, к слову, – поспешно добавил он.

Я тотчас вспомнила, как эта особа бесстыдно висла на Игорёше, играя на его самых низменных инстинктах, и все мои сомнения сразу как рукой сняло.

— Вообще-то я несколько не раскаиваюсь в содеянном и считаю, что моя месть оправданна и справедлива – поделом ей: пусть не зарится на чужое, – окончательно расхрабрилась я.

— А почему объектом мести вы выбрали эту женщину, а не своего мужа? – поинтересовалась Глаша.

— Знаете, у моей дочери Наты есть своя собственная теория по поводу представителей мужского пола. Она считает, что каждый из них может быть отнесен к одной из трёх выявленных ею категорий: «мужчина-сынок», «мужчина-отец» и «мужчина-самец». Так вот, мой Игорёша – наитипичнейший «сыночек». Такие как он женщин не обхаживают и не завоевывают: это несвойственно их природе – они охотно уступают это право противоположному полу. Время от времени у них, как у капризных детей, бывают попытки продемонстрировать свою псевдо-самостоятельность, но стоит только предоставить их самим себе, позволив хлебнуть чуток свободы, как они, тут же опомнившись, в страхе цепляются за «мамочкину» юбку. Поэтому я убеждена, что инициатива исходила от этой «цапли», а никак не от Игорёши: он, скорее, жертва соблазна, чем соблазнитель. Хотя это его несколько не оправдывает, но несколько смягчает его вину, – охотно объяснила я.

— По-моему, эта теория применима и к женщинам. А что – те же три категории: «дочка», «мамаша» и «самка», – заявила сметливая Глаша. – Верно ведь, Аристарх Аскольдович?

За магистра ответил неугомонный Аркаша:

— Пр-р-рименима, пр-р-рименима! Пр-р-росто универ-р-рсальная теор-р-рия! Пр-р-ревосходно р-р-работает!

Он определённо начал мне нравиться, даже несмотря на его эксцентричность и всклокоченный хохолок.

— Это хороший симптом, – одобряюще сказал магистр. – Ваше отношение к самой себе улучшается просто на глазах.

Я не уловила никакой связи между своей мыслью об Аркашином хохолке и его замечанием, но решила ничего не выяснять. Наверное, порядком утомилась от переизбытка новых впечатлений.

— Вам действительно пора домой, – верно понял мой настрой магистр. – На сегодня более чем достаточно.

Я с ним полностью согласилась, но не успела сказать об этом вслух: снова стало темно, как в глухую полночь под толстым одеялом. Когда же очертания окружающих предметов начали незаметно проступать, я обнаружила, что стою перед дверью, где меня оставила улыбчивая девушка в клетчатых брючках.

Мой пресытившийся впечатлениями мозг наотрез отказался от всяческих комментариев. Меня уже волновало совсем другое: необходимо было успеть сочинить что-нибудь правдопо-

добное для Игорёши и срочно поймать такси. Не успела я об этом подумать, как прямо передо мной остановилось авто, сплошь расписанное впечатляющими рекламными цитатами.

— Вас подвезти? – высунулся из окна мордастый парень в удивительно знакомой светло-коричневой беретке.

— Вы случайно не телепат? – мрачно поинтересовалась я.

— Я непьющий и некурящий, и на меня, между прочим, ни разу ни одной жалобы от пассажиров не поступало, – обиделся парень. – И зачем сразу оскорблять? Стараешься обслужить культурно и на уровне, а тебя – последними словами...

Я поняла, что в моих же интересах чистосердечно раскаяться и признать свою ошибку.

— Простите, я не хотела вас обидеть, просто вы появились так неожиданно...

— Что значит «неожиданно»? – ещё больше обиделся парень. – По-вашему, выходит, я должен был появиться с задержкой, чтобы заставить вас ждать? – Лицо его сморщилось, как у готового заплакать ребёнка. – Так что ли?

Я махнула рукой и молча влезла на заднее сиденье. По-моему, иногда лучше не оправдываться и обойтись без извинений, и сейчас именно такой случай.

В кабине приятно пахло зелёным яблоком. Рядом со щитком был прикреплён маленький плакат с красноречивым призывом: «Люди! Давайте жить душа в душу!». «Дельное предложение», – подумала я, но свою мысль предпочла не озвучивать.

— Вот это верно! – буркнул себе под нос водитель – и машина тронулась с места.

В любом виде транспорта меня всегда чуточку укачивает, поэтому, чтобы как-то отвлечься, я обычно стараюсь задремать. Но на этот раз меня как будто отключили снаружи – я очнулась, когда парень гаркнул мне почти в самое ухо:

— Приехали, гражданочка! Прошу с вещами на выход.

Только очутившись на улице, прямо напротив нашей парадной, и проводив ошалевшим взглядом пёстрое авто, доставившее меня до самого дома, я вспомнила о двух никак не связанных между собой, но одинаково странных фактах. Во-первых, парень не потребовал с меня никакой платы за проезд, а во-вторых, я хорошо помню, что не называла ему места назначения.

Пока я пыталась придумать всему этому хоть какое-нибудь убедительное и разумное объяснение, ко мне подошла наша соседка Зинаида Филипповна, дамочка средних лет, внешне не особенно примечательная и нигде особенно не работающая, но при этом умудрившаяся за последние два года трижды поменять всю обстановку в квартире. Она выгуливала на поводке свою задиристую таксу Афродиту, или попросту Фросю.

Вы, наверное, уже успели заметить, что вопросов у меня вечно больше, чем ответов – и мне ли угнаться за дошлой Зинаидой Филипповной?

— Августа Яковлевна, добрый вечер, милочка, – приветствовала она меня своей неизменной змеиной улыбочкой. – Как вы чудно преобразились! Неужели на вас так благотворно повлиял уход с работы? А причёска!.. Можно узнать имя вашего мастера?

И как эта любопытная пронира выходит на информацию, которой даже в Интернете нет? Ну откуда, спрашивается, она вынюхала про моё сокращение? Не иначе, как у неё есть доступ к Хроникам Акаши!

— Аристарх Аскольдович, – машинально ответила я, но, тут же спохватившись, добавила: – К нему очень сложно попасть, мне просто случайно повезло.

— Понимаю, – ехидно поджала губы Зинаида Филипповна. – Но имейте в виду: для меня нет невозможного, стоит мне задействовать свои каналы... – И, засеменив прочь, она нетерпеливо дёрнула за поводок зазевавшуюся Афродиту.

— Что ж, дерзайте, – не осталась в долгу я. – Буду рада, если ваши каналы работают. – И вежливо помахала вслед обиженно тявкнувшей Фросе.

К счастью, никого из соседей я больше не встретила. Но всё же меня ожидал ещё один не слишком приятный сюрприз: на упорные и продолжительные трели дверного звонка, раз-

носившиеся по всей квартире, никто не отзывался. Неужели Игорёша до сих пор не вернулся из ресторана? А мама?

Я автоматически взглянула на часы и обомлела: на них было пятнадцать минут седьмого. Что за бред?! Это что же получается – я вышла из дома десять минут назад?! Я вытащила из сумочки мобильник и едва не выронила его из рук: на экране насмешливо высветились те же самые злополучные цифры: 18.15. Но это было ещё не всё: с четырьмя замками, предназначавшимися бессердечному Игорёше, пришлось справляться мне самой. И назло ему я с ними справилась, причём с первой попытки.

Все домашние часы единодушно подтвердили показания моих наручных часов, но я решительно оставила всякие попытки найти этому артефакту рациональное объяснение, приняв самую убедительную и простую версию – обыкновенное чудо. А оно, родимое, предназначено вовсе не для абстрактных объяснений, а для конкретного использования. Я вот, к примеру, не знаю устройства даже простейшего калькулятора, но это не мешает мне им пользоваться. А разве мне доподлинно известно, как работают мои собственные мозги? Однако уже довольно продолжительное время я их всюю эксплуатирую, не прибегая к помощи специалистов.

Усыпив такими мудрыми и своевременными рассуждениями свой пытливый и бдительный ум, терзаемый неразрешимыми вопросами, я с наслаждением постояла под горячим душем, с аппетитом поужинала, щедро напичкав себя калориями, потом с кайфом растянулась на диване перед телевизором и с удовольствием посмотрела смешную и трогательную французскую комедию с Пьером Ришаром в главной роли. В результате всех этих действий, а возможно, и по какой-то иной причине настроение моё приобрело несвойственную ему лёгкость и беззаботность, и я твёрдо и бесповоротно решила не позволить никому и ничему его испортить. Первую попытку сделала вернувшаяся от Регины мама.

— Гутя, ты для кого столько еды наготовила? – ужаснулась она, заглянув на кухню. – Мы же за неделю это не осилим! Или ты вздумала устроить прощальный ужин для сокращённых сотрудников вашего сектора?

Я оценила её тонкий выпад, но не осталась в долгу.

— А ты что, считаешь, что Регинин судак задумал навеки поселиться в твоём желудке, заполнив собой всё свободное пространство и не оставив места ни для чего другого? – парировала я, но, не дав маме выйти на новый виток словесной перебранки, тут же таинственно прибавила: – Загляни в мою сумку: там тебя ждёт сюрприз.

«Если сегодня день чудес, то нужно этим пользоваться, не сбавляя оборотов», – подумала я, сама поразившись собственной находчивости.

Женское любопытство взяло верх над всеми другими чувствами, включая врождённый родительский и приобретённый воспитательский инстинкты, и мама, секунду поколебавшись, с деланным равнодушием спросила:

— А где твоя сумка?

— На моей кровати, – притворно зевнув, в тон ей ответила я.

Когда спустя минуту она вернулась в гостиную, лицо её выглядело совершенно опрокинутым.

— Как ты узнала, что я хочу её купить? – голос её дрогнул.

— Интуиция, – скромно потупилась я, мысленно прикидывая, что мама могла обнаружить в моей сумке.

Долго ждать мне не пришлось – из маленькой бархатной коробочки она вынула брошку в форме корзинки с цветами и, полюбовавшись на неё, приколотла себе на платье.

— Мне подходит? – поинтересовалась она, явно рассчитывая на шквал комплиментов.

Я привычно изобразила безмолвное восхищение, картинно закатив глаза и с шумом втянув в себя воздух.

— Ты действительно так считаешь? – придирчиво спросила мама, видимо, требуя от меня словесного подтверждения.

— Она не просто скромно украшает твоё платье – она ярко высвечивает твою индивидуальность, – расщедрилась я.

— У нас на кафедре все просто онемеют от восторга! – сразу унеслась в свои фантазии окрылённая мама.

— Скорее, позеленеют от зависти, – не согласилась я.

— Одно другому не помешает, – возразила она.

Оставив последнее слово за собой, мама с достоинством удалилась в свою комнату. Меня это не успело тронуть, так как в дверь позвонил Игорёша. (Я его узнала по позывным – один длинный, два коротких).

С порога было видно, что он не в духе, но я решила этого не замечать.

— Как повеселились?

— Да какое там веселье! – недовольно засопел он. – Как будто ты не знаешь, как проходят подобные мероприятия.

— Откуда мне знать! – с невинным видом заметила я. – Ты меня на эти мероприятия давно не приглашаешь.

— Успокойся: на этот междусобойчик все пришли без своих «половин».

— Так там были только свои?

— В общем, да, – замялся Игорёша.

— А в частности? – уточнила я.

— И в частности – тоже, – насупился он. – Что за допрос?

— Просто ты отвечаешь чересчур уклончиво и слишком неохотно, – не сдавалась я.

— Хорошо, допрашивай. Каких подробностей ты жаждешь? – первым сдался Игорёша.

— Танцевали?

— Разумеется. Как же без этого?

— А ты?

— Я не мог не поддержать компанию.

— С кем? – я впиалась в Игорёшу глазами.

Он мгновенно насторожился:

— А почему тебя это так интересует?

— Как «так»? Не проще ли ответить? И разве я не имею права поинтересоваться, с кем танцевал мой муж в ресторане в моё отсутствие? – искренне удивилась я, по собственному опыту зная, что в правовых вопросах Игорёша не так силён, как Жэка. – Или тебе есть что скрывать?

Игорёша сразу обмяк и растерянно заморгал глазами:

— Ничего я не скрываю: просто не знаю, кто эта женщина. Она сидела за соседним столиком и сама меня пригласила.

— И ты конечно же ни в чём не мог ей отказать?

— А, по-твоему, я должен был сунуть ей под нос своё обручальное кольцо и гордо отказать?! – взорвался Игорёша. – И потом, что значит «ни в чём»? Мы всего лишь потанцевали.

— Почему она пригласила именно тебя?

— Не знаю, – пожал плечами Игорёша. – Видимо, тебе это известно гораздо лучше, чем мне.

— Мне известно не только это... – со значением заметила я.

— Тебе что, Лёнчик позвонил? – неуверенно предположил Игорёша. – И когда он только успел? Мы же с ним вместе вышли.

— Никто мне не звонил. Есть другие каналы поступления информации, – туманно ответила я.

— Какие «другие»? – поморщился Игорёша. – Что ты выдумываешь?

— Вот ответ мне как биолог: если я попрошу тебя поднять руку, и ты её поднимешь, это значит, что сигнал в твой мозг поступил от меня?

— Допустим, – хмуро буркнул Игорёша.

— А если ты сам решишь её поднять, тогда откуда поступит сигнал?

— Из специальной области головного мозга – моторной коры, от неё – к спинному мозгу, а оттуда – к мышцам, – сразу разошёлся мой образованный муженёк.

— А мозгу кто подаёт сигнал? Ну, этой самой моторной коре?

— Как «кто»? – растерялся Игорёша. – Я.

— Кто это «я»? Изъясняйся, пожалуйста, научно, а не обывательски.

— Ну, другой отдел мозга, – Игорёша явно не был готов к научной дискуссии и хотел увильнуть от прямого ответа.

— Интересно получается: один отдел подаёт сигнал другому отделу. А тому, первому отделу, кто подаёт?

— Поговорим на эту тему завтра: после выпивки я плохо соображаю, – окончательно капитулировал Игорёша.

— Можно и завтра, – торжествуя заключила я. – Но, в конце концов, ты всё равно вынужден будешь признать, что этот канал связи тебе неизвестен, потому что он лежит за пределами мозга, а значит – вне твоей компетенции.

— Ты, кажется, пытаешься меня в чём-то уличить? Только не пойму, в чём именно: то ли в моей научной некомпетентности, то ли в супружеской неверности. – Изменив своей всегдашней привычке, Игорёша всё-таки незаметно втянулся в спор.

— Если ты сто-пудово уверен и в том, и в другом, то тебе не о чем беспокоиться, – пожала плечами я.

В ответ он только устало махнул рукой.

Кажется, впервые в жизни я покинула наш супружеский ринг, не чувствуя себя побеждённой. День, начавшийся не слишком удачно, закончился не так уж плохо.

На следующее утро я опять проснулась раньше всех (вот она, неодолимая сила привычки!), но продолжала празднично валяться в постели, пока ко мне не заглянула сияющая Натуся, уже успевшая навести марафет, натянуть на себя новые лосины и выпить свой неизменный морковно-петрушечный сок. Она так заинтересованно расспрашивала меня о моих делах и так подчёркнуто внимательно выслушивала мои не слишком обстоятельные ответы, что, в конце концов, я догадалась, что моя хитрющая дочура либо намерена втянуть меня в какую-то авантюру, либо собирается сообщить мне нечто малоприятное и поэтому заранее старается меня задобрить.

— Как твой экзамен по теории перевода? – осторожно спросила я, пробуя выйти на след.

— «Пять», – гордо сообщила Натуся, растопырив передо мной свою ладошку.

— Неужто ваш прижимистый Наум Григорьевич так расщедрился?

— Не угадала! Нашего Наума срочно вызвали в ректорат, и экзамен принимал его аспирант Серёжа.

— Тогда всё понятно, – разочарованно протянула я.

— Что тебе понятно?! – запротестовала Натуся. – Между прочим, у нас в группе всего три «пятерки».

— А «двоек» сколько? – любопытствовала я.

— Ни одной. Но ты не знаешь, как он принимал экзамен! Это надо было снять на телефон и сохранить для потомков!

— Ну и как же?

— Собрал всю нашу группу и заявляет: «Я дорожу своим временем, поэтому если кто-то не готов, пусть лучше сразу честно признается ради собственного же блага. Честность я тоже

ценю и поэтому обещаю уговорить Наума Григорьевича дать ему или ей ещё один шанс на пересдачу без всяких проблем с деканатом». Все, конечно, переглядываются и молчат: желающих продемонстрировать свою честность столь изощрённым способом не нашлось. Надо быть блаженным или дураком, чтобы хотя бы не попытаться проскочить «на авось».

Тогда Серёжа обводит всех нас гипнотизирующим, прямо-таки удавим взглядом и предлагает: «В таком случае все, кто согласен на «тройку», давайте мне свои зачётки». Полгруппы, даже не раздумывая, наперегонки бросилось к нему со своими зачётками и радостно отвалило, благословляя небеса за то, что они так кстати убрали Наума. Серёжа сурово оглядел оставшихся храбрецов и выдаёт следующее предложение: «Те, кто абсолютно уверены, что знают на «четыре», зачётки быстро ко мне на стол!» Неуверенными оказались: Галка, Марик Карчевский, Валерка Букин и я, но в последнюю секунду Валерка всё-таки решил не рисковать и «уломался» на Серёжино предложение. Как он мне потом объяснил, нервы не выдержали. Когда в аудитории остались только мы трое, Серёжа без лишних слов преспокойно собрал наши зачётки и выставил нам наши выстраданные «пятерки». Каков лис, а? Весь экзамен длился не более пятнадцати минут, Наум бы зверствовал часов пять, не меньше. А главное – каждый получил и по потребностям, и по заслугам, и все остались довольны, в том числе и Серёжа.

— Один раз тебе повезло, а что будет со следующим экзаменом? – я с сомнением покачала головой.

— Что значит «повезло»? – возмутилась Натуся. – Если бы я не была уверена, что отвечу на «пять», то не стала бы рисковать. В конце концов, Наум выставил бы точно такие же оценки, только прежде потрепал бы всем нам нервы, чтобы повысить свою значимость и самоутвердиться в собственных глазах. А что касается следующего экзамена, то как раз о нём я и хочу с тобой поговорить.

— Та-а-ак!.. – удовлетворённо протянула я. – Вот мы и подобрались к главной цели нашей душевной беседы.

Натуся не сочла нужным оправдываться и разубеждать меня, прикинув, что это займёт слишком много времени, и сразу перешла к делу, видимо, посчитав, что все предварительные формальности по отношению ко мне были ею соблюдены:

— Следующий экзамен у меня по страноведению, а принимать его будет...

— Можешь не продолжать, – перебила её я. – Мне и так всё ясно: ты хочешь, чтобы я попросила Дину Анатольевну быть к тебе не слишком придирчивой. Верно?

— Мамуля, я просто обожаю тебя за эту твою феноменальную догадливость, – сладким голоском проворковала Натуся, звучно чмокнув меня в щёку.

— Не подлизывайся – не поможет: будешь сдавать экзамен как положено, – прикинулась я строгой родительницей. – Даже к своей подруге и бывшей однокласснице обращаться с подобными просьбами я не стану.

— А тебе и не нужно ни о чём её просить: просто позвони ей и поболтай о том, о чём и так, между прочим, скажи, что через два дня у меня экзамен по её предмету... Напомни, одним словом. Она дама понятливая и сообразительная, – многозначительно понизила голос Натуся. – Ничего не поделаешь: узы дружбы обязывают!

— Ната, меня просто ужасает твоя деловитость! – передёрнулась я.

— Радоваться надо, а не ужасаться, – выдала напоследок Натуся и выскользнула из комнаты, прежде чем я успела продолжить свою воспитательную речь.

Мне ничего другого не оставалось, как принять жестокое, но единственно верное и справедливое решение – проучить свою дочь для её же пользы. Она не сомневается в том, что я никуда не денусь и всё равно позвоню Дине, а я вот возьму, да и не буду звонить – пусть впредь рассчитывает на свои знания, а не на мои знакомства. Эх, Натуся! Кончила бы сперва институт, а потом выходила бы замуж: семейная жизнь и учёба – две вещи несовместные. Правда, лучшего мужа, чем Колюня, ей бы всё равно не найти. Такого упустить было обидно – удиви-

тельно покладист и надёжен и при этом жутко самостоятелен и предприимчив. А главное – не открывает рот и закрывает глаза на все её детские выходки и капризы. Находка, а не муж, особенно для Натуси. Ладно, пусть совмещает приятное с полезным, раз ей так хочется. Но к экзамену ей всё равно придётся готовиться, даже если она на меня здорово разозлится.

Когда я наконец вылезла из постели, чтобы, как образцовая мать семейства, пожелать доброго утра всем домашним и проводить мужа на работу, выяснилось, что в квартире уже никого нет, кроме меня, разумеется. Можно было бы на этом заикнуться, но зачем? На сегодняшний день у меня грандиозные планы. Стоять полдня у плиты, а тем более драить квартиру, чтобы заслужить всеобщее одобрение, я не намерена – всё равно никто этого не заметит и не оценит. Хватит! Проведу день не как надо, а как хочется. Знать бы только, чего мне на самом деле хочется! Хотя... я, кажется, знаю: отправлюсь в салон красоты к магистру. Ну вот, стоило мне определиться, как сразу же зазвонил телефон. Кто может звонить в такую рань? Номер на табло вроде незнакомый... А вдруг что-то важное?

— Алло?

— Это ты, Корнеева? – в трубке послышался бойкий голос Соньки.

— Она самая, Серостанова. Я свой голос давно уже никому не одалживаю, – на всякий случай неуклюже сострила я.

— А я было подумала, что тебя инопланетяне похитили, – не осталась в долгу Сонька. – Вчера ты так и не добралась до меня, подруга.

— Каюсь: по пути к тебе заглянула в салон красоты и застряла там надолго.

— Ну хотя бы с пользой для себя?

Что мне нравится в Соньке, так это её удивительная неспособность обижаться. Причём это у неё природное, а не вымученное. Для меня загадка, как ей удалось не втянуться в этот массовый психоз всеобщей обидчивости.

— Соседка утверждает, что я преобразилась до неузнаваемости, а муж ничего не заметил. Да и никто из домашних тоже, – весело ответила я, радуясь, что она избавила меня от необходимости извиняться и чувствовать себя виноватой.

— Значит, нужно продолжить процесс преображения, нельзя останавливаться на достигнутом, – убеждённо заключила Сонька.

— Я тоже так думаю. Может, составишь мне компанию?

— А мне не для кого преображаться, разве что для водопроводчика: он у меня в ванной уже вторую неделю душ чинит. Езжу купаться к тётке в другой конец города.

Вот уж поистине, как бы ни было плохо, всегда отыщется кто-то, кому ещё хуже, чем тебе. Мне стало ужасно жаль бедную Соньку.

— Хочешь, я составлю тебе компанию?

— Ну вот ещё! Что, я одна с ним не справлюсь?! – расхрабрилась Сонька.

Мне и в голову не пришло в этом усомниться. Поэтому я пожелала ей всяческих успехов в борьбе за правое дело и помчалась в ванную – благо, мне не нужно ехать в другой конец города, чтобы пару минут постоять под душем.

Освежившись и наскоро позавтракав, я с лёгким сердцем вышла из дома. Утро было солнечное и многообещающее, и мне не хотелось пропустить ничего из того, что оно могло мне преподнести. Скорым шагом я направилась к той самой остановке, с которой началось моё вчерашнее волшебное приключение.

Мне пришлось простоять не меньше получаса и пропустить десятка два автобусов, прежде чем я догадалась обратиться с вопросом к дородной женщине с гладко зачёсанными назад волосами и курносым добродушным лицом. Она оказалась на редкость словоохотливой, если не сказать излишне болтливой.

— Одиннадцатый автобус? Отродясь такой здесь не останавливался. Вы что-то напутали, любезная. А до Савушкина сто первый идёт. У меня тут сын неподалёку живёт, так что я здесь

все маршруты наизусть выучила: каждый день ведь почти приезжаю – за внуком слежу. Внучок у меня – Костик, два годика в прошлую пятницу исполнилось. А сноха дома сидеть не хочет: не успел малец на ножки встать, она на работу вышла, – женщина укоризненно покачала головой, но, заметив мой рассеянный взгляд, прибавила: – Да вы, моя милая, кого угодно спросите – каждый подтвердит: не останавливается здесь такой номер.

— А вам куда нужно-то? – вмешалась в разговор любопытная бабуся с набитой кошёлкой.

— В салон красоты, – ответила я.

— Да зачем вам за семь вёрст ехать? – удивилась бабуся. – Вон там за углом дамский салон есть. Моя невестка Нинка там работает. Знатная мастерица: от клиенток отбою нет, даже домой звонят.

— Нет, спасибо: мне к своему мастеру нужно попасть.

— Ну, как знаете, – обиженно поджала губы бабуся. – Моё дело – предложить, а ваше – не прогадать.

«Вот было бы кстати того старичка с авоськой встретить, – мечтательно подумала я, отойдя на почтительное расстояние от навязчивой бабуся. – Впрочем, спешить мне особенно некуда – посижу на скамейке и подожду: авось повезёт. Со мной и не такие чудеса случались».

Я под села к двум ухоженным дамочкам, умело скрывающим свой возраст с помощью всевозможных ухищрений, и стала наблюдать за прохожими, невольно прислушиваясь к их весьма оживлённому разговору.

— Они совсем как люди: совершенно невозможно отличить, – увлечённо рассказывала одна, рыженькая, с перламутровыми, в тон блузке, серёжками и чёрной лакированной сумочкой со стразами.

— А может, они просто пользуются телами людей? – предположила вторая, с пепельными кудряшками и такого же цвета ногтями и веками, в тон брючному костюму.

— Это уже не те, а совсем другие, – со знанием дела сказала первая. – Их несколько категорий. Лучше всего приспособились те, которые умеют видоизменять свой облик до полной неузнаваемости: мужское тело трансформируют в женское, старое – в молодое, полное – в худощавое. К примеру, из смуглого черноглазого парня могут превратиться в белокожую голубоглазую девицу или из тучной пожилой брюнетки – в юную стройную блондинку...

— Ну, это и мы с вами умеем, – игриво хихикнула «пепельная».

— Но они делают это в считанные секунды, – возразила «рыженькая». – Нам такое не под силу.

— Да-а-а... Такое – точно не под силу, – вынуждена была согласиться «пепельная». – А вам приходилось с ними сталкиваться?

— Да как же их отличишь от обычных людей? – подсадовала на бестолковость собеседницы «рыженькая». – Только по ауре и можно определить, человек перед тобой или пришелец. Хотя иногда по некоторым признакам я догадывалась, что передо мной не человек.

— И по каким же признакам? – с замиранием в голосе прошептала «пепельная».

— Ну вот был, например, со мной в прошлом году такой случай. Возвращаюсь я поздно вечером домой: у знакомых на дне рождения задержалась. Общественный транспорт уже не работает. Ни одна машина не останавливается. К тому же во всём районе свет отключили. Тьма кромешная. И, как назло, снег повалил хлопьями, прямо как перья из подушки. Стою я посреди улицы в полной растерянности и не знаю, что делать. Вдруг прямо возле меня останавливается какое-то непонятное авто, и водитель (женщина, между прочим) распахивает передо мной дверцу и приветливо говорит: «Садитесь, гражданочка, подвезу». Я так обрадовалась, что даже не удивилась! Довезла она меня до самой моей парадной и ни копейки не взяла. Только на лестнице до меня дошло, что и эта машина, и эта женщина были... ненастоящими.

— Вы так решили только потому, что она с вас денег не взяла? – разочарованно хмыкнула «пепельная».

— Если бы только это! Я же ей своего адреса не назвала! Села в машину и как будто отключилась, видимо, от перенапряжения.

— А может быть, вы сказали ей свой адрес автоматически, не отметив это про себя? Такое довольно часто случается.

— Но только не со мной. Я не робот, чтобы действовать автоматически: я всегда себя контролирую, в любых обстоятельствах, даже самых критических. Я всё прекрасно помню, каждое сказанное мною слово, – обиделась «рыженькая». – И вела она себя как-то странно, но это я уже после осознала.

— А что именно показалось вам странным?

— Это трудно объяснить. Видите ли, она чересчур внимательно меня слушала. Сама почти не говорила, только слушала. Просто превратилась в один сплошной слух. Меня за всю мою жизнь никто так внимательно не слушал. И самое главное – я так и не разглядела её лица: она всё время прятала его под капюшоном куртки, как будто там вообще ничего не было, просто какой-то черный провал. А зеркало над лобовым стеклом у неё вообще отсутствовало! Вы когда-нибудь такое видели? Лично я – нет. – «Рыженькая» с победным видом щёлкнула замком сумочки и впилась глазами в собеседницу: – Что вы на это скажете?

Под грузом перечисленных фактов «пепельная» потрясённо молчала.

— А какие у них намерения? – наконец с трудом выдавила она.

— Это же чисто человеческий подход. Нет у них никаких намерений – у них совершенно иная логика. Они откликаются на наши намерения и чувства.

— Для меня это слишком сложно, – пожаловалась «пепельная». – Они враждебны по отношению к людям или... наоборот?

— Скорее, нейтральны, – снисходительно ответила «рыженькая». – Некоторым из них нет до нас никакого дела – они просто пытаются выжить. Некоторые поглощают рассеянную в пространстве энергию – и мы их интересуем исключительно как её производители. Некоторые прибыли сюда с определённым заданием – скажем, наблюдать за нами. А некоторых породили и притянули мы сами – они результат творчества нашего коллективного сознания.

— А чем они от нас отличаются? – не выдержав, вмешалась в разговор я.

— Это же очевидно, милочка: они лишены человеческих чувств. Наши чувства – вот, что их привлекает. У некоторых из них – высокий уровень сознания, но... – она подняла кверху указательный палец, увенчанный кроваво-красным ногтем, – при абсолютном отсутствии чувств!

— Я, кажется, тоже имела с ними дело, – вздохнув, призналась я.

— Что я говорила! – воскликнула «рыженькая», торжествуя, взглянув на «пепельную». – Контакты с ними уже носят массовый характер.

— А как вы догадались, что они... – запинаясь, пробормотала «пепельная».

— Они умеют читать мысли, – не дослушав, объяснила я.

— Я же говорю: у них высокий уровень сознания, – поддакнула «рыженькая».

С минуту мы помолчали.

— И что теперь будет? – дрожащим голосом спросила «пепельная».

— Для большинства – ничего выдающегося, – пожала плечами «рыженькая». – Но для тех, кто сумеет этим воспользоваться, могут открыться феноменальные возможности.

— А это не опасно? – испуганно поинтересовалась «пепельная».

— Не более чем сама жизнь, – фыркнула «рыженькая». – По-моему, самая опасная вещь для нынешнего человечества – это смертельная скука и унылое однообразие нашего существования. Жизнь перестала быть захватывающим приключением. Мы все боимся выйти за рамки дозволенного.

— Дозволенного... кем? – уточнила я.

— Не кем, а чем – нашим привычным и устоявшимся взглядом на мир. Он сделался таким обжитым, знакомым и легко узнаваемым и перестал быть для нас тайной. Наш живой исследовательский дух угас.

Мы надолго погрузились в тягостное молчание.

— Надо что-то делать! – наконец предложила я.

— Надо, – согласилась «рыженькая». – Прежде всего определим маршрут. Вам какой номер автобуса нужен? – обратилась она ко мне.

— Одиннадцатый, – с готовностью отозвалась я.

— Увы! Нам не по пути, – развела руками «рыженькая». – А мы ждём сто первый. А вот и он. Прощайте, милочка. – Прежде чем влезть в автобус обе дамочки дружно обернулись и послали мне по воздушному поцелую.

Я тоже собиралась встать, всё ещё надеясь на чудо в образе злополучного старичка, но в это время в моей сумочке отчаянно заголосил мобильный телефон. Номер не определился.

— Дался вам этот старичок с авоськой! – услышала я в трубке возбуждённый голос «рыженькой». – Пусть себе останется во вчерашнем дне. Зачем вы его тащите с собой? Неужели нельзя придумать и поискать что-нибудь новенькое? У вас что, фантазии ни на что другое не хватает? Не нужно даже ничего придумывать – просто распахните глаза пошире!

«Началось!» – ёкнуло у меня под ложечкой.

— Как вы узнали...? – потрясённо выдохнула я.

— Вы всё ещё продолжаете удивляться? А эффект чуда на что?

— А может, я того...?

— А вас устроило бы такое объяснение?

— Эффект чуда мне нравится больше.

— Тогда на нём и остановимся, – напоследок бросила «рыженькая», и связь оборвалась.

Я огляделась по сторонам и встретила глазами с белозубо улыбающейся чернявой цыганкой в накинутом на плечи цветастом платке.

— Хочешь, погадаю, королева ясноокая? – предложила она, вытащив из выреза платья порядком замусоленную колоду карт.

— Предпочитаю не соваться в будущее до тех пор, пока оно не станет настоящим. Так намного интереснее и значительно безопаснее, особенно для моего кошелька. – Я плотнее прижала сумочку к себе и отвернулась.

— Я с тебя ничего не возьму, краса бесценная, – продолжала уговаривать цыганка. – Погадаю за так.

От её невозмутимой настойчивости моя подозрительность начала расти в геометрической прогрессии.

— Это что, ежеквартальная акция благотворительности? – усмехнулась я, как никогда исполненная бдительности

— Ты мне не веришь, да? – предположила она, нисколько не обидевшись.

— Сеанс гадания начался с попадания в точку, – кивнула я. – Этим и ограничимся – дальше можно не продолжать.

Цыганка прошила меня насквозь цепким, внимательным взглядом:

— Готова поспорить, что ты реагируешь на форму, а не на содержание. Хочешь сама в этом убедиться?

— Убедиться в чём?

— В своём предвзятом отношении к миру.

Для простой уличной цыганки она рассуждала чересчур разумно и изъяснялась слишком литературно. Это меня насторожило и совершенно сбило с толку.

— Закрой на секунду глаза и сядь не справа, а слева от меня.

— Это ещё зачем?

— Сейчас узнаешь.

Любопытство, как всегда, победило. Я неохотно поднялась, прижимая сумочку к себе, зажмурившись, пересела на другой край скамейки и тотчас скосила глаза в сторону своей собеседницы. От увиденного сумочка сама выпрыгнула у меня из рук, но я всё-таки успела схватить её за хлястик. Вместо неряшливой смуглолицей цыганки передо мной сидела интеллигентного вида блондинка с холёным лицом, доведённым дорогой косметикой до кукольного состояния, и безупречным маникюром белоручки со стажем. Она была одета в ослепительно белый твидовый костюм с жемчужными пуговицами и изящные сиреневые «лодочки» на шпильках. Поправив прозрачный шарфик, скреплённый на шее золотой камеей, она извлекла из маленькой сумочки, молочно-белой с сиреневыми прошивками, запечатанную колоду карт Таро и, подбросив её на пухлой розовой ладошке, с хитрой усмешкой предложила:

— Не желаете приподнять завесу своей судьбы? Исключительно для развлечения?

— А где-э-э..? – растерянно заблеяла я, озираясь вокруг в поисках пропавшей цыганки.

— Прodelайте всё заново, но только в обратном порядке, – не дослушав моё бляенье, скучным голосом посоветовала блондинка.

Моё внутреннее сопротивление было окончательно сломлено, и я послушно вернулась на прежнее место, вновь усевшись справа от моей собеседницы. Попытка смухлевать и подглядеть через щёлочки не помогла: рядом со мной опять сидела знакомая цыганка, улыбаясь мне жизнерадостной белозубой улыбкой вполне земной феи.

— Хочешь ещё разок попробовать? – подмигнула она мне блестящим чёрным глазом. – Или достаточно?

Ко мне вновь вернулась способность говорить членораздельно:

— А вас двое или одна?

— Можно сосчитать ёмкости с водой, но сама вода не поддаётся штучному счёту, – загадочно изрекла цыганка. – Лучше скажи, с которой из двух тебе приятнее иметь дело?

— Не знаю, – честно призналась я.

— Понятно, – удовлетворённо кивнула она. – Выходит, самой себе не доверяешь. А может, у тебя с мужчинами контакт лучше получается?

— Ты и это умеешь? – ужаснулась я.

— Запросто! Давай попробуем? – тотчас загорелась она.

— Лучше не надо, – сразу испугалась я.

— И не скучно тебе так жить? Это же тина-тоска болотная, скукота зевотная.

— Все так живут. И ничего...

— Зачем же добровольно подчиняться массовому гипнозу, если можно жить по-другому? Никогда не пробовала?

— Не далее как вчера. Только не я попробовала, а меня попробовали.

— Повезло, значит. И как?

— Увлекает и временами даже захватывает. Но это как на корабле без капитана. Страшно.

— Ну, это вначале. А что тебе мешает самой стать капитаном?

— Опыт требуется и профессиональные навыки.

— Так в чём проблема? Набирайся опыта – и навыки появятся. А там, глядишь, – и «профи» станешь.

— Без учителя?

— Да вон их сколько, как мух в жару, – цыганка обвела взглядом улицу. – Каждый встречный.

— Рискованно, – не сдавалась я.

— Так ведь и жить, как все, тоже рискованно, – рассмеялась она. – Знаешь, чем это обычно заканчивается?

То ли сказанное ею показалось мне ужасно смешным, то ли её смех оказался на редкость заразительным, только я невольно расхохоталась. В таких случаях говорят, «смешинка в рот попала». Неожиданно мне взбрело в голову продолжить эксперимент.

— Можно я опять пересяду?

— Валяй! – охотно согласилась она.

На этот раз я проделала это медленно, шаг за шагом, ни на секунду не спуская глаз с моей собеседницы, но так и не смогла уловить момент превращения. Лишь с пятой попытки мне наконец-то удалось найти положение, при котором, изменяя направление и угол взгляда, можно было увидеть, как в объёмной движущейся картинке, то белозубую цыганку, то интеллигентную блондинку.

— Получилось! – радостно сообщила я.

— В первый раз это, наверное, действительно представляет собой захватывающее зрелище, – снисходительно улыбнулась блондинка.

— А как вас видят случайные прохожие?

— По-разному: кто-то вообще не видит, кто-то – цыганкой, кто-то – блондинкой, а кто-то (но такие попадают крайне редко) – световым пятном. Восприятие действительности – это или следствие коллективного самовнушения, или результат целенаправленных самостоятельных усилий. А вообще, никто не хочет покидать зону комфорта и приучает к этому свои органы чувств, и прежде всего – глаза. Если же попадает что-то, выходящее за рамки привычного, то оно попросту упорно и категорически не замечается.

— Вас не заметишь! – усмехнулась я.

— Согласись, что тебе пришлось постараться.

— Это уж точно, – согласилась я. – А чего вам вдруг вздумалось погадать мне?

— Я только откликнулась на твой безмолвный призыв. Ты так долго и упорно концентрировала всё своё внимание на пусковом механизме судьбы, что тебя каким-то чудесным образом вынесло за пределы привычной реальности.

— Вы что, плод моего воображения?

— Проверим? – с готовностью откликнулась блондинка.

— Как?

— Закрой глаза и ткни меня пальцем, – хихикнула она в предвкушении увлекательной игры.

Я немедленно зажмурилась и вытянула вперёд руку, а упершись во что-то мягкое, энергично хлопала по нему ладонью и потыкала всеми пальцами.

— Что это вы делаете, мадам? – слышался удивлённый мужской голос.

«Ну что ж, – неожиданно завелась я, – была не была! Можно и развлечься, если это всего лишь игра. Да здравствуют безнаказанность и вседозволенность! Долой приличия и условности! Будем преодолевать комплексы и снимать зажимы, не прибегая к помощи магов, народных целителей и психотерапевтов!»

Я спокойно открыла глаза, не проявив ни малейшего испуга или смущения.

Рядом со мной, распространяя вокруг себя едкий запах ментола, сидел мужчина вполне зрелого возраста и достаточно респектабельной наружности. На коленях у него красовался новенький кожаный «дипломат», на шее – вызывающе красный галстук, на носу – солидные очки, а на голове – заметно поредевшая шевелюра с благородной проседью.

— Подтверждаю, что вы точно не плод и даже не фрукт моего воображения, – развязно заявила я, внимательно изучив моего соседа по скамейке.

— А у вас были сомнения на этот счёт? – заинтригованно спросил он, опасливо косясь в мою сторону.

— Я подумала: а может, вы голограмма.

— Это аллегория, комплимент или оскорбление? – уточнил он. – А то я нездешний, поэтому могу и ошибиться ненароком.

— Это объёмное изображение того, чего на самом деле не существует, – охотно объяснила я. – Световой эффект. Иллюзия, одним словом.

Это объяснение, должно быть, его вполне удовлетворило. А может, он просто сделал вид, чтобы не выглядеть простаком и невеждой. Но его интерес к предмету разговора, видимо, не иссяк.

— Можно узнать, почему вы решили, что я голограмма? – спросил он, осторожно разглядывая меня сквозь очки.

Его игра явно затянулась. К тому же выбранный им образ интеллигентного простофили начал действовать мне на нервы.

— И так всё понятно. Вы, кажется, вошли во вкус и слишком увлеклись своей ролью, – поморщилась я. – И вообще, женщины вам удаются гораздо лучше. Или мужчин изображать сложнее?

В его взгляде мелькнул испуг, и он, страстно обхватив «дипломат» двумя руками, незаметно отодвинулся к противоположному краю скамейки.

— К-какие женщины?

— Вы переигрываете. Цыганка у вас получалась убедительнее, – нахмурилась я.

— А вы меня точно ни с кем не путаете? – не сдавался он.

— Думаю, игра «зависла» и мне пора поменять ракурс, – я решительно встала с места. – Иду на «перезагрузку».

— Что вы собираетесь делать? – Выставив вперёд «дипломат», мужчина скользнул задом по скамейке, и в этот момент послышался душераздирающий звук рвущейся материи.

— Мои брюки! – совсем не по-мужски всхлипнул он. – У меня же через час встреча с партнёрами! Что будет с проектом?!

— Поменяйте пол и внешний облик вместе с одеждой, – ехидно предложила я. – Вам же это ничего не стоит. Образ блондинки отлично подойдёт для такого случая.

— Вы ещё и издеваетесь?! – угрожающе зашипел мужчина. – Это всё из-за вас! Психи должны сидеть в психушке, а не разгуливать по городу без специальных табличек! – С воинственного шипения он перешёл на жалобное самобичевание: – Какой неоплаченный кармический долг заставил меня выбрать именно эту чёртову скамейку! И почему я, как последний болван, не послушался Петровича и не подождал его в гостинице?! Так мне, растяпе, и надо!

У меня в полушариях прошёл слабый разряд, напоминающий вспышку.

— Вы действительно случайный прохожий, а не цыганка с картами и не блондинка с камеей? – тупо спросила я, хотя в этом уже не было необходимости.

— Теперь я уже ни в чём не уверен, – он устало махнул рукой. – Хотя сегодня утром я ещё как будто бы был мужчиной со всей полагающейся атрибутикой, разведённым холостяком с надеждой устроить свою личную жизнь и преуспевающим предпринимателем с реальным шансом расширить свой бизнес.

— И что вам мешает воплотить в жизнь свои планы? – огрызнулась я. – Неужели порванные штаны?

— Я прилетел всего на пару дней, поэтому думал, что обойдусь одной парой брюк, – плаксиво заявил он. – Других нет даже в гостинице, понимаете?! А меньше чем через час у меня важная деловая встреча, от исхода которой зависит моя дальнейшая карьера.

— Так бы сразу и сказали.

— А что бы изменилось? – язвительно спросил он.

— Ваше настроение, – великодушно ответила я. – Потому что я бы непременно напомнила вам о том, что в этом необыкновенно вместительном «дипломате» томится в ожидании вашего благосклонного внимания дополнительная пара замечательных брюк, специально пред-

назначенных для деловых переговоров. Посмотрите, как им не терпится выбраться наружу, чтобы обрадовать вас – даже уголок торчит.

— Где?! – сразу же попался на крючок легковерный растяпа.

— Да вон же! – шлёпнула я по портфелю, расширив глаза для большей убедительности.

Трясущимися руками поставив «дипломат» на попа, он торопливо щёлкнул блестящими замками – и из него вместе с пакетиком ментоловых леденцов, ворохом бумаг и кожаным очечником вывалились аккуратно сложенные песочного цвета брюки в чёрную полосочку.

— Откуда они здесь взялись? Ни разу в жизни их не видел! Ну и цвет! Просто продукт болезненной фантазии! – возбуждённо причитал он, собирая разбросанные вещи.

Пораженная его bestолковой реакцией, я не смогла сдержаться:

— Такие как вы не заслуживают счастливых случайностей. Вместо того чтобы захлебнуться от благодарности и взлететь от восторга, вы пыхтите от возмущения и скрежете зубами от злости.

Волна моего негодования накрыла его с головой, произведя опустошительные перемены в его покосившемся сознании.

— Наверное, вы правы: выбирать не приходится, – мгновенно присмирел он, оставив безуспешные попытки закрыть «дипломат» и сунув его под мышку. – Как говорили древние, на безрыбье и сам раком станешь. У меня ещё есть время, чтобы галопом доскакать до гостиницы и переодеться.

Даже не попрощавшись, воодушевлённый растяпа сорвался с места и, натыкаясь на прохожих, стремглав помчался прочь, унося с собой удушающий запах ментола, спасительные брюки в полосочку и мой мобильный телефон, который я оставила на скамейке и который он по рассеянности сгрёб в свой портфель вместе со своими вещами.

Пропажа не вызвала у меня никаких других эмоций, кроме положительных.

«Найдёт способ вернуть, когда обнаружит, в крайнем случае, позвоню на свой номер с Игорёшиного мобильного, а ещё лучше – сматериализую себе другой мобильничек, покруче прежнего, – окончательно и бесповоротно развеселилась я. – Теперь мои проблемы решаются весело, изящно и без всякой суеты, а самое главное – без расточительной и бесполезной траты сил, времени и денег».

Я машинально глянула на часы и обомлела: пять минут седьмого! Без чуда тут точно не обошлось! Вчера время ползло как черепаха, а сегодня – несётся как дикий мустанг. И чтобы моё семейство не осталось без ужина, поиски салона красоты придётся перенести на завтра.

Мне беспричинно повезло – дома никого ещё не было. Я запросто успею состряпать что-нибудь скоростное из припасённых в холодильнике полуфабрикатов. Моё везение приняло затяжной характер и стало хроническим: на кухне вкусно пахло борщом и жареной картошкой. Так и есть – кто-то (не иначе как из самых лучших побуждений) приготовил первое, второе и... (о-о-о!) даже третье – вполне съедобный пудинг из творога, клубничного сиропа и рисовой муки.

Неужели Ната проявила инициативу? Хотя нет: она бы ограничилась картошкой и готовыми отечественными котлетами. Борщи и пудинги – не её стихия. Жэка и Колюня вне подозрений: они в случае острой необходимости смогут осилить только яичницу. Игорёша тоже отпадает: для него сварить яйца вкрутую – высший пилотаж. Вот маме это, пожалуй, по плечу, но, во-первых, у неё сегодня заседание кафедры, а во-вторых, не в характере мамы готовить воскресные пудинги в будний день.

Опять чудо?! Теперь такое объяснение меня вполне устроило. Продегустировав борщ и картошку и отдав должное кулинарным способностям неизвестного мастера, который их приготовил, я преисполнилась благим намерением добавить что-то от себя, ну хотя бы простой скромный салат. Каково же было моё удивление, когда в холодильнике, на самой нижней полке

я обнаружила большую миску любимого Игорёшиного винегрета, да ещё к тому же с красной фасолью, как ему нравится.

Решив, что чудо тоже нуждается в поощрении, я привстала на цыпочки и раскинула руки в стороны, сжав в объятьях невидимого и неосязаемого гиганта, ненароком заглянувшего в мою жизнь, а вернее, обхватив лишь большой палец его гигантской ноги, с трудом уместившийся в моей кухне.

— Спасибо-о-о-о!!! – выдохнула я весь воздух из лёгких, отчётливо услышав, как моё выразительное мажорное «о» долгим эхом разносится по гулким коридорам вселенной, отдаваясь в каждой клетке моего тела.

— Пожалуйста-а-а! – раздался за моей спиной насмешливый голос Игорёши. – Всегда готов помочь.

— Так это всё-таки ты?! – я предусмотрительно опустила на табуретку. – Не могу в это поверить! Признавайся, кто тебе помогал? Вот уж никогда бы не подумала, что ты на такое способен!

— Не так быстро, а то я не успеваю обрабатывать поступающую информацию, – захлопал глазами и замахал руками Игорёша, чрезвычайно правдоподобно изображая растерянность и удивление. – На что такое я, по-твоему, не способен?

— Не прикидывайся, не поможет.

— Да что случилось, наконец? – быстро потеряв терпение, благим матом закричал Игорёша.

— Это ты приготовил ужин?

— Что?!

Такое неподдельное изумление смог бы сыграть только профессиональный актёр, да и то с третьей попытки, а мой Игорёша даже в художественной самодеятельности никогда не участвовал, только в семейных сценах, притом получалось не слишком убедительно.

— Тогда кто? – скривилась я.

— Твоя мама.

— Исключено всем ходом истории: во-первых, у неё сегодня заседание кафедры, во-вторых, это совершенно не её рука и не её стиль. А в-третьих, – я выдержала эффектную паузу, – ты не знаешь главного – в холодильнике ещё целая гора винегрета, а готовить винегрет в этом доме – исключительно моя прерогатива. Мама за это не возьмётся.

Игорёша, тупо уставившись в пространство, задействовал оба полушария.

Результат его напряжённых мозговых усилий застал меня врасплох:

— А где ты была весь день?

— У... Соньки, – не растерялась я.

— И давно пришла? – продолжал допытываться Игорёша.

— Часа полтора назад, – не моргнув глазом соврала я.

— В квартире никого не было?

— Разумеется.

Игорёша снова впал в глубокую задумчивость, граничащую с трансом.

— Я ни этот борщ, ни этот винегрет непонятного происхождения есть не буду, – наконец заключил он. – И тебе не рекомендую.

— Я уже попробовала и то и другое. И знаешь, вполне съедобно и даже очень вкусно.

— Пагубные последствия могут обнаружиться не сразу, а спустя какое-то время. Существует такая коварная вещь как латентный период, – дрогнувшим голосом объявил Игорёша.

— Конечно-конечно, – услужливо поддакнула я. – Лет через тридцать у меня прорежутся клыки и рога, вырастут копыта, хвост и... ещё кое-что.

Молча оценив мой чёрный юмор, Игорёша придирчиво изучил содержимое холодильника, с деланным равнодушием заглянул в кастрюлю с борщом, брезгливо потыкал вилкой в жареную картошку и, наконец, воздержавшись от комментариев, коротко распорядился:

— Накладывай.

Видимо, после ознакомительной экскурсии по кастрюлям и мискам у него так отчаянно засосало под ложечкой, что не было сил сопротивляться настойчивому зову взбунтовавшегося желудка.

Съев полную тарелку борща и еще в придачу половник добавки, он глубокомысленно изрёк:

— А ведь хорош, подлец! Съел бы ещё, да боюсь, для винегрета места не хватит.

— Приготовь ещё местечко и для творожного пудинга, – злорадно хихикнула я.

— И к нему ты, конечно, тоже не имеешь никакого отношения?

— Никакого, – подтвердила я.

— А почему ты так подозрительно спокойна? – нахмурился Игорёша. – Даже не пытаешься найти этому хоть какое-то мало-мальски разумное объяснение.

— А почему объяснение непременно должно быть разумным? Иррациональное тоже имеет право на существование, – вовремя нашлась я.

Аргументы моего дражайшего муженька, очевидно, были полностью исчерпаны, а искушение оказалось слишком сильным для его слабой проголодавшейся плоти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.